

К вопросу об открытии османского консульства в Казани в 1873 году

И.Р. Гильманов^{1а}

¹Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1591-9317>, e-mail: iskander.gir@gmail.com

Резюме: Статья посвящена анализу попытки открытия консульского представительства Османской империи в Казани в 1870-х гг. На основе архивных материалов и научной литературы рассматривается инициатива казанских татар, подданных Османской империи, реакция османского посольства, а также мотивы, стоящие за написанием прошения и отказом в его удовлетворении. Основой статьи послужили ранее неопубликованные источники: обращение и переписка дипломатических органов Османской империи по этому вопросу.

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной разработанностью темы дипломатического присутствия Османской империи в мусульманских регионах России, а также необходимостью более глубокого осмыслиения трансграничных инициатив мусульманских сообществ во второй половине XIX века. Анализ случая прошения казанских татар о создании консульства позволяет не только ввести в научный оборот уникальные источники, но и дополнить сложившиеся представления о характере османо-российских отношений и роли мусульманского фактора в имперской дипломатии.

Ключевые слова: Османская империя; Казань; Российская империя; консульство; ислам; дипломатия; татары

Для цитирования: Гильманов И.Р. К вопросу об открытии османского консульства в Казани в 1873 году. *Minbar. Islamic Studies.* 2025;18(4):782–798. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-4-782-798

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

On the Issue of Ottoman Consulate Establishing in Kazan in 1873

I.R. Gilmanov^{1a}

¹*M. Khasanov Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1591-9317>, e-mail: iskander.gir@gmail.com

Abstract: This article is devoted to the analysis of an attempt to establish a consular representation of the Ottoman Empire in Kazan in the 1870s. Based on the archival materials and academic literature, the study examines the initiative of Kazan Tatars who were subjects of the Ottoman Empire, the response of the Ottoman embassy, as well as the motivations behind the petition and the reasons for its rejection. The article is grounded in previously unpublished sources, including a petition and the correspondence of Ottoman diplomatic institutions on this matter.

The relevance of this research lies in the insufficiently explored topic of the Ottoman Empire's diplomatic presence in the Muslim regions of Russia, as well as the need for a deeper understanding of the transnational initiatives of Muslim communities in the second half of the 19th century. The analysis of the Kazan Tatars' petition for the establishment of a consulate not only introduces unique sources into academic circulation but also contributes to the existing understanding of Ottoman-Russian relations and the role of the Muslim factor in imperial diplomacy.

Keywords: Ottoman Empire; Kazan; Russian Empire; consulate; Islam; diplomacy; Tatars

For citation: Gilmanov I.R. On the Issue of Ottoman Consulate Establishing in Kazan in 1873. *Minbar. Islamic Studies. 2025;18(4):782–798.* (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-4-782-798

Введение

Во второй половине XIX века дипломатические отношения Российской и Османской империй характеризовались возрастающей сложностью и неоднозначностью, обусловленной как политическим соперничеством двух держав, так и их взаимными экономическими и культурными интересами. Особое место в этом контексте занимал вопрос консульских учреждений, выступавших не только важным инструментом международной торговли, но и средством политического и идеологического влияния. Несмотря на обширную сеть российских консульств на территории Османской империи, османская сторона имела значительно более скромное дипломатическое присутствие в России, концентрируя свои усилия в основном в пограничных регионах Кавказа и Причерноморья. Однако попытки Высокой Порты распростра-

нить свое дипломатическое влияние вглубь России имели место быть. Примером служит попытка учреждения консульства в Казани.

Объектом исследования выступают дипломатические отношения между Османской и Российской империями, а предметом – попытка учреждения османского консульства в Казани. Цель работы – проанализировать содержание и политический контекст прошения казанских татар о создании консульства, а также реакцию османской и российской сторон.

Задачи исследования: выявить причины обращения татарских купцов к султану; рассмотреть реакцию Порты на подобную инициативу; сопоставить случай с аналогичными дипломатическими инициативами Османской империи; определить значение указанного эпизода для истории мусульманских сообществ России.

Методология исследования основана на источниковедческом анализе османских дипломатических документов на османском и французском языках, а также на историко-сравнительном подходе и элементах нарративного анализа.

В отечественной и зарубежной историографии вопрос дипломатического присутствия Османской империи на территории России, особенно применительно к ее внутренним мусульманским регионам, до сих пор остается малоизученным. Основной массив исследований по российско-османским отношениям традиционно посвящен дипломатическим и консульским структурам России в Османской империи. В частности, О.Е. Петрунина в своей статье «Особенности российской консульской службы в Османской империи в последней четверти XVIII – начале XX вв.» и О.В. Анисимов в публикации документов о деятельности Н.П. Игнатьева на Востоке концентрируются на российской дипломатии, практически не затрагивая зеркальный вопрос – дипломатического представительства Османской империи в России.

Среди немногочисленных работ, непосредственно касающихся османских консульских учреждений на территории Российской империи, можно выделить исследования Ресуля Турана и С.И. Алиевой. Так, Ресуль Туран в статье «Сеть османских консульств на Южном Кавказе» (*Güney Kafkasya'da Osmanlı Şehbenderlik Ağı*) подробно рассматривает региональную консульскую политику Османской империи на Кавказе, подчеркивая ее стратегическое значение и политические цели. С.И. Алиева в статье «Из истории открытия турецкого консульства в Баку (1910–1911 гг.)» анализирует дипломатические процессы, показывая сложность переговоров и политические риски для Российской империи. Кроме того, также заслуживает внимания магистерская диссертация Бурджу Йосунташ «Карское консульство (1879–1914)»

(Kars şehbenderliği), посвященная консульству в Карсе, где подробно рассматриваются особенности османской дипломатии в этом городе.

Однако указанные труды сосредоточены на анализе ситуации в приграничных регионах, оставляя практически без внимания дипломатический интерес Османской империи во внутренних областях России, таких как Поволжье и, в частности, Казань. Настоящая статья восполняет этот историографический пробел, вводя в научный оборот ранее не изученные архивные материалы, что позволяет расширить представления о характере и стратегических целях османской дипломатии в глубине российской территории.

Основными источниками данного исследования выступают неопубликованные ранее материалы из Османского архива министерства государственных архивов Турции: обращение казанских татар, подданных султана, в Министерство иностранных дел (МИД) Османской империи, написанное на османо-турецком языке, а также дипломатическая переписка МИД и посольства в Санкт-Петербурге на французском. Дополнительными источниками выступили адрес-календари по России и разным ее регионам, содержащие информацию об иностранных представительствах в тех или иных городах, и османское салнаме о Министерстве иностранных дел за 1884-1885 гг. (Sâlnâme-i Nezâret-i Hârîciyye, 1302 y.).

Российско-османские дипломатические отношения

Стоит отметить, что в течение XVIII–XIX веков дипломатическое представительство Османской империи в России развивалось несимметрично по сравнению с российским присутствием в Османской империи. Россия добилась широких прав на дипломатическое и консульское присутствие ввиду своих военных и внешнеполитических успехов: с 1700-х годов Россия получила права на постоянное дипломатическое присутствие в Стамбуле; по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору (1774) Россия имела возможность открывать консульства по всей Османской империи, в то время как османская сторона не имела таких прав в России [1].

Османское государство до конца XVIII в. не знало дипломатии в том смысле, как ее понимал Запад. Отсутствовал основной ее элемент – наличие дипломатических представительств в других странах и, на основе взаимности, наличие в Османской империи дипломатических миссий других государств. До 1793 г. Османская империя не направляла постоянных послов ни на Запад, ни на Восток и, за единичными исключениями, не принимала постоянных послов из других государств. Более того, до образования в 1837 г. министерства внешних сношений в Османской империи не

было структуры, которая непосредственно занималась бы внешними делами. Рейсюлькюттаб¹ (глава канцелярии) как чиновник, подчиненный великому визирю, среди прочих дел занимался и иностранными послами. Министр, занимающийся исключительно внешними делами, появился только в период Танзимата² [2, с. 154].

Известно, что первым постоянным послом в России от Османской империи был назначен Ахмет Февзи-паша. Бывший маршал сultанской гвардии был направлен в Петербург чрезвычайным и полномочным послом, датой его официального вступления в должность значится 26 сентября 1833 года (4 джумада аль-уля 1249 по хиджре) [3, с. 101]. После этого Высокая Порта продолжала увеличивать свое дипломатическое присутствие в стране путем открытия консульств. Основным направлением для дипломатических миссий Турции стали российские порты Причерноморья и Кавказ. Но вглубь России официальные представительства Османской империи не распространялись.

Прошение казанских татар об учреждении консульства

Одним из уникальных эпизодов дипломатических взаимоотношений и консульской службы Порты является прошение, отправленное в 1873 году в Министерство иностранных дел Османской империи от имени группы казанских татар, являвшихся подданными султана, с просьбой о создании османского консульства в Казани. Это ходатайство было передано по официальным каналам дипломатической переписки в посольство, однако Порта отказалась от его удовлетворения после внутреннего обсуждения вопроса.

Прошение о создании консульства в Казани зафиксировано в дипломатических документах на османо-турецком языке, дипломатическая переписка между МИД Османской империи и посольством в Санкт-Петербурге велась на французском. Оно представляет собой первую известную попытку официального обращения к султану с инициативой закрепить османское представительство в Казани. Этот город, будучи одним из крупнейших торговых и религиозных центров мусульман России, привлекал внимание османских дипломатов в контексте общей политики по поддержке мусульманских сообществ за пределами империи. Российские власти, разумеется, стремились этому противодействовать [4, с. 39].

Прошения от татар с просьбой учредить в Казани консульство поступило в Министерство иностранных дел Османской империи в 1873 году.

¹ От араб. «раис аль-куттаб».

² От араб. «тanzimat» (приведение в порядок, регулирование).

Перевод с османо-турецкого языка:

«Почтеннейший Шах Шахов, наш Господин и Владыка всех мусульман!

Даже если бы смиренные подданные Вашего Величества совершили пятьдесят стояний в молитве, они все же не смогли бы в должной мере воздать хвалу за величие и справедливость Престола Вашего Величества. Мы, низайшие рабы, с упованием на Вашу безграничную справедливость и щедрость, смиленно подаем сие прошение:

Некоторые из числа казанских жителей некогда были удостоены счастья быть принятными под высокое покровительство и в благоденствие Державы Вашего Величества. С тех пор они, неустанно трудясь, управляли своими делами и содержали свои семьи, непрестанно вознося молитвы о долголетии и неослабевающем могуществе Вашей Державы.

На протяжении долгого времени упомянутые лица вели торговлю между Казанью и Османским государством, перевозя товары туда и обратно, чем значительно способствовали обеспечению продовольствием. Торговля велась законным образом, признаваемым обеими сторонами.

Однако в связи с тем, что в городе Казани вообще отсутствует консульский представитель Высокой Порты, в случае торговых споров, а также при пересечении границ и проверке паспортов, возникают значительные трудности и препятствия.

А так как в упомянутом городе [Казани], который является центром крупной губернии Российского государства, количество купцов Османского государства не уменьшается, что есть несомненное свидетельство постоянной благосклонности и милости Вашего Величества, мы с мольбой о милосердии просим о назначении в город Казань Османского консула, дабы тем самым были устраниены всякие препятствия и облегчено положение ваших верноподданных, что способствовало бы дальнейшему развитию торговли.

Повеление и благодеяния в этом деле полностью в руках нашего Господина, Шаха Шахов, Повелителя всех мусульман»³.

Прошение написано в стиле, который подразумевал оформление его в традиции, где податель, независимо от своего положения, низводит себя до положения ничтожного слуги или раба, а султан – вершина справедливости и божественной власти. Его структура была кодифицирована, риторика – строго регламентирована, а сам жанр следовал установленной церемониальной формуле, в рамках которой подданный заявлял о своей абсолютной зависимости и верности султану, используя титулы

³ Başbakanlık Osmanlı Arşivi, Hâriciye Nezâreti, Petersburg Sefareti Belgeleri (далее – BOA. HR.SFR.1.) 38–14. Bazi Osmanlıların Kazan'da bir Osmanlı konsolosluğu açılması istirhamı.

вроде «Падишах ислама» или «Справедливейший шахиншах» [5]. Проситель прибегал к языку смирения (*tazarru'*)⁴ и уничижительности (*tezellül*)⁵. Именно через подобные петиции мусульманские подданные, включая татар, могли заявлять о себе как о носителях лояльности к султану, при этом выражая коллективные интересы в легитимной форме. Подобные обороты есть и в обращении татарских купцов, которые в прошении, адресованному султану, называют его «Почтеннейшим Шахом Шахов» (*Hazret-i Alî ve Şehînşâh*), при этом по отношению к себе используя обороты вроде «нижайшие рабы» (*cakerâne*).

Вслед за этим идет основная часть, где казанские купцы строят свою аргументацию в пользу учреждения консульства, основываясь на экономических факторах: они упоминают давние торговые связи, административные трудности и стратегическую значимость города. По словам купцов, отсутствие официального представительства Османской империи в близлежащих регионах затрудняло их деловую деятельность (вероятно, консульские представительства в Причерноморье не могли решить проблемы купцов в Казани). Однако, по всей видимости, за экономическими причинами стоит более широкий запрос на религиозную и политическую защиту от султана, который имел титул халифа. Это делало его в глазах мусульман Российской империи, включая татар, верховным лидером исламского мира, что имело огромное символическое значение и придавало султану особый духовный авторитет. Даже при отсутствии прямого политического подчинения, его воспринимали как «повелителя правоверных». К тому же в переписке полностью отсутствуют отсылки к религиозной или культурной близости татар и турок, а также к идее защиты мусульманского населения. Учитывая общий характер источников и политическую чувствительность темы, можно предположить, что этот аспект намеренно замалчивается.

Сам факт коллективного обращения к султану татар, ставших его подданными, свидетельствует о сохранении у части татарской элиты XIX века стойкой ориентации на Османскую империю как на культурный, религиозный и политический центр исламского мира. Даже в условиях жесткого контроля со стороны Российской империи и в отсутствие формальных связей эти настроения не исчезли – напротив, они находили выражение в действиях, пусть осторожных, но вполне осознанных. Подобное поведение демонстрирует наличие среди татар общественного самосознания, где Стамбул воспринимался как центр исламской уммы. Из текста обращения видно, что у просителей уже сформировалось чувство политической и правовой субъектности в

⁴ От араб. «тадарру'».

⁵ От араб. «тазаллюль».

И.Р. Гильманов

К вопросу об открытии османского консульства в Казани в 1873 году

Minbar. Islamic Studies. 2025;18(4): 782-798

рамках османской системы, в подданство которой они перешли, а также об их осведомленности в российской внутренней политике, так как в прошении они обошли стороной моменты религиозной дискриминации, говоря лишь о торговле. Однако внешнеполитическая обстановка не способствовала открытию консульства: между Россией и Турцией в те годы были довольно напряженные отношения, апофеозом которых стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Инициатива открытия османского консульства со стороны татар стала возможной благодаря относительной либерализации внутренней национально-религиозной политики России в XIX веке, когда мусульмане все больше интегрировались в общественную структуру – татары не просили султана спасти их от «неверного правителя», они желали учреждения официальных органов на территории России. Интеграция мусульман была заметна и в годы правления Александра II: при нем была отвергнута политика насильтственного крещения, и к тому же в империи царствовал дух реформаторства, которым не прочь были воспользоваться и татары-мусульмане. К примеру, в 1857 году Хусаин Фаизханов (Хусайн Файд-хан), учитывая реформаторские настроения в России, а также опираясь на опыт реформ Танзимата в Османской империи и деятельность Рифа‘а Тахтави в Египте, подал прошение в Министерство народного просвещения России с просьбой разрешить издание татароязычной газеты «Чулпан» в Казани. Его предложение было отклонено. Однако Фаизханов не пал духом и обрушил критику на традиционную систему исламского образования. Он предложил создать новый тип медресе, который перенял бы многие организационные элементы российской гимназии [6, с. 120]. Подобные факты свидетельствуют о либеральных веяниях в России, и именно в такой обстановке представители торговых слоев татар сочли уместным запросить учреждения консульства.

Представители Министерства иностранных дел Османской империи, несмотря на все, казалось бы, неблагоприятные внешнеполитические факторы, все же не остались без внимания обращение. Его передали поверенному в делах Петербургского посольства с просьбой собрать сведения касаемо данного вопроса.

Перевод с французского языка:

«Господину Поверенному в делах,

В прошении, адресованном Его Императорскому Величеству Султану, несколько его подданных, выходцев из Казани, занимающихся торговлей между этим городом и Константинополем, просят об учреждении в Казани консульства Турции».

«Передавая вам, при сем, копию данной просьбы, я прошу вас, господин поверенный в делах, собрать сведения и сообщить нам о торговом значении этого города с точки зрения интересов Османской империи, чтобы можно было удовлетворить просьбу просителей. Примите, господин поверенный в делах, уверение в моем глубоком уважении»⁶.

Представители посольства Турции, как выясняется из дальнейшей переписки, не сразу приступили к решению этого вопроса. Вероятно, в посольстве осознавали бесперспективность этой инициативы и отложили дело, однако вернуться к нему побудила еще одна депеша из МИД Османской империи, в которой говорилось о многократных и настойчивых обращениях просителей.

Перевод с французского языка:

Господину Послу,

Департамент [т.е. Министерство иностранных дел], в своей депеше от 30 января сего [1873] года, №31999/29, передал в посольство просьбу нескольких османских подданных, выходцев из Казани, о создании в этом городе османского консульства.

Сегодня настойчивые [многократные] обращения просителей побудили нас вновь вернуться к рассмотрению их запроса. Мы не считаем, что имеются серьезные затруднения для удовлетворения такой просьбы, поскольку в данном случае речь идет, в сущности, лишь о вопросе взаимности. Иностранные державы в целом, и Россия в частности, имеют все возможности учреждать консульства в любой части Империи, и они широко пользуются этой возможностью. Следовательно, мы не видим, каким образом данная просьба могла бы вызвать возражения.

Поэтому я не колеблясь прошу вас начать с Российским правительством, в той форме, которую вы сочтете подходящей, необходимые переговоры для получения его согласия на учреждение османского консульства в Казани.

Примите, господин Посол, уверение в моем глубоком уважении»⁷.

Вероятно, это сообщение побудило посла Камиль-пашу заняться вопросом консульства всерьез. Бывший бейлербей Румелии и советник при Высокой Порте, Камиль-паша был назначен на пост полномочного посла в Санкт-Петербурге 21 марта 1873 года (9 сафара 1290 г. хиджры.). Он сменил на этой должности Рюстем-пашу [3, с. 101]. Вероятно, замена послов и обусловила то, что первые письма адресованы

⁶ BOA. HR.SFR.1. 38–14. Bazı Osmanlıların Kazan'da bir Osmanlı konsolosluğu açılması istirhamı.

⁷ BOA. HR.SFR.1. 41–92. Aslen Kazanlı olan bir takım Osmanlı vatandaşının Kazan'da Osmanlı Konsolosluğu açma girişimleri.

И.Р. Гильманов

К вопросу об открытии османского консульства в Казани в 1873 году

Minbar. Islamic Studies. 2025;18(4): 782-798

поверенному в делах. Стоит отметить, что сбор сведений по этому вопросу стал одним из первых поручений, которые исполнял на своем посту Камиль-паша.

Как видно из послания, представители министерства смотрят на вопрос об учреждении консульства с оптимизмом и делают акцент на принцип взаимности, в рамках которого Османская империя формально имеет право открывать консульства в России, в том числе и в Казани, поскольку Россия имела подобные представительства на территории Османской державы. Ведомство призывало посольство начать переговоры с Российским правительством касаемо этого вопроса.

С учетом неблагоприятной внешнеполитической обстановки и многоэтничности, многоконфессиональности Казанской губернии, довольно странно видеть в официальном ответе то, что МИД Османской империи «не считает, что имеются серьезные затруднения для удовлетворения такой просьбы», ссылаясь на принцип взаимности. Должно быть, Порта не теряла надежды закрепить свое влияние в мусульманских регионах России и стремилась выровнять свое положение с ней в вопросе дипломатических представительств. Поскольку, согласно официальным данным, на 1873 год Россия, помимо посольства в Стамбуле, возглавляемое чрезвычайным и полномочным послом Н.П. Игнатьевым, имела консульские отделения во всех частях Османской империи: всего российские дипломатические миссии находились в 70 городах, в которых работали 5 генеральных консулов, 18 консулов, 27 вице-консулов и 26 консульских агентов, а в Стамбуле находился 1 капитан над портом [7, с. 591–592]. Для сравнения, в 1884–1885 годах Османская империя, помимо посла Ахмет-Шакира-паши, располагала дипломатами лишь в 13 городах. Генеральные консулы (*başşehbender*) находились в Батуми, Баку, Тифлисе и Одессе. Консулы (*şehbender*) – в Таганроге, Карсе и Евпатории. Другие консульства располагались также в Ростове, Николаеве, Севастополе, Поти. Почетные консулы имелись в Москве и Симферополе [3]. Причем на 1873 год консульств, по-видимому, было еще меньше – в адрес-календаре Кавказа за 1873 год значатся лишь 2 представительства Турции: генеральный консул в Тифлисе и вице-консул в Сухуме [8, с. 176]. Дипломатические представительства могли как появляться, так и упраздняться в разные годы в разных городах.

Это сравнение ярко демонстрирует неравенство России и Турции в плане дипломатических представительств. Поэтому подобные указания османскому послу, возможно, были даны для получения более подробных сведений, чтобы узнать, готова ли Россия пойти на уступки. Вполне возможно, что и само прошение было скомпилировано для этих целей, так как обращение выходцев из России, принявших осман-

ское подданство и ведущих теперь между двумя государствами торговлю, – отличный повод для начала осторожного диалога. Хотя в МИД просто могли воспользоваться случаем.

Посол Османской империи Камиль-паша внял указаниям из Стамбула и начал собирать сведения. Спустя некоторое время посольством был направлен ответ в МИД Османской империи.

Перевод с французского языка:

«Посол Империи просит передать в Министерство иностранных дел дубликат своего ответа на депешу от 30 января 1873 года №34199/29, касающуюся учреждения османского консульства в Казани.

Ваше Превосходительство,

Имею честь подтвердить получение депеши, которую Ваше Превосходительство соизволило мне направить 30 января №34199/29, с целью передать просьбу нескольких лиц об учреждении консульства в Казани и проконсультироваться со мной относительно целесообразности удовлетворения этой просьбы.

Согласно сведениям, которые мне удалось получить, торговля в Казани малозначительна и с каждым днем сокращается. Этот город утратил ныне то значение, которое имел в прежние времена. Строительство железной дороги до Сибири, которым сейчас занимаются, вскоре лишил его даже той небольшой оживленности, которую ему еще обеспечивает положение города-транзитного пункта для части торговли с восточными регионами Империи.

Существует два проекта железнодорожной линии: более южный маршрут должен был бы пройти через Казань, однако существует высокая вероятность того, что будет реализован второй маршрут, проходящий значительно севернее этого города, так как он намного выгоднее. Тогда упадок Казани будет окончательным и неизбежным.

Есть, однако, и другое соображение, которое перевешивает предыдущие: согласно строго конфиденциальным сведениям, полученным мною, российское правительство не допустит учреждения консульства в Казани.

Этот город не является местом пребывания ни одного иностранного консула, и поскольку все державы могут требовать здесь применения принципа наибольшего благоприятствования, разрешение на открытие агентства для нас повлечет необходимость дать аналогичное разрешение и другим государствам, чего Министерство стремится избежать. Население Казани крайне разнородно как по расовому, так и по

И.Р. Гильманов

К вопросу об открытии османского консульства в Казани в 1873 году

Minbar. Islamic Studies. 2025;18(4): 782-798

религиозному признакам, и им довольно трудно управлять; существуют опасения, что присутствие одного или двух иностранных агентов еще более осложнит административные трудности. Эти сведения были переданы мне совершенно конфиденциально.

Учитывая, таким образом, незначительность нашей торговли в Казани и трудности, с которыми мы бы столкнулись, я полагаю, что следовало бы отказаться от удовлетворения упомянутой просьбы.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в моем глубочайшем уважении»⁸.

Османскому послу удалось собрать сведения относительно Казани и позиции российской стороны по данному вопросу. Они, как покажет дальнейшее развитие событий, оказались достоверными – северный путь Транссибирской железнодорожной магистрали, который, по словам посла, был бы значительно выгоднее, действительно воплотился в реальность – железная дорога пошла в обход Казани через Вятку и Пермь. Казань не представляла собой серьезного экономического интереса для Османской империи. Примечательно, что аргументация посла, особенно в части отказа от учреждения консульства, базируется на конфиденциальной информации. Это может свидетельствовать о том, что формальным поводом для разговора о Казани являлась торговля, и именно в ходе обсуждения экономического значения Казани с представителями российской администрации, вероятно, было упомянуто и гипотетическое консульство в этом городе, после чего послу и донесли «конфиденциальную» информацию по этому поводу, возможно, в неформальной обстановке. Учреждение консульства внутри России в многоэтничном и многоконфессиональном регионе вызвало бы цепную реакцию: на основе «принципа наибольшего благоприятствования» аналогичные права могли бы потребовать и другие державы. Усиление внешнего влияния могло подорвать устойчивость внутреннего порядка, и потому «закрытость» Казани для иностранных представительств была сохранена. Посол Турции делает заключение, что от этой идеи следует отказаться, и к этому вопросу в МИД Османской империи более не возвращались. Разумеется, официального прошения в адрес российских властей не последовало, дабы не вносить еще большую напряженность в отношения с ней.

К тому же Россия, если это было в ее интересах, отклоняла даже официальные запросы об учреждении османских представительств. Например, в 1885 году, когда Османская империя решила открыть консульство в Ереване и даже назначила туда

⁸ BOA. HR.SFR.1. 38-65. Bazi Osmanlıların Kazan'da bir Osmanlı konsolosluğu açılması istekleri.

консула, российские власти не допустили этого – они на протяжении девяти месяцев игнорировали прошение, после чего Турция отказалась от данной инициативы. В 1894 году Турция вновь попыталась открыть представительство в Ереване, апеллируя к экономическим связям этого города с соседним османским Баязитом (ныне Догубаязит). В 1897 году был назначен новый консул, однако российское правительство и эту кандидатуру не утвердило. В ответ обсуждалась возможность применения аналогичных мер в отношении российских консульств на территории Османской империи. Несмотря на настойчивость российского Министерства иностранных дел в утверждении, что консульство в Ереване не требуется, в соседнем османском Баязите российское вице-консульство все же было открыто [9, с. 385]. Этот факт еще раз демонстрирует неравноправность Турции и России в отношении дипломатических миссий. Примечательно, что аргументом к учреждению консульства, как и в Казани, служили экономические связи. В целом, это довольно естественный повод для учреждения представительств в другом государстве.

Все опасения Российских властей касаемо открытия османских консульств в многоэтнических и многоконфессиональных регионах подтверждает похожий сюжет об открытии османского консульства в Баку в 1910–1911 годах. Вероятно, оно было закрыто по политическим причинам, и запрос на его открытие поступил вновь. Наместник на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков был против его учреждения ввиду малого количества османских подданных в Баку, что в свою очередь, по его словам, позволило бы уделять время консулу на шпионаж и пропаганду. Он указывал на угрозу панисламизма и тюркизма, распространение которых консульство могло бы усиливать, особенно в Дагестане и среди мусульманского населения Кавказа. К тому же наместник и его сторонники подчеркивали, что мусульманское население региона проявляет повышенный интерес к событиям в Турции. Наличие официального турецкого представителя могло бы усилить влияние Османской империи на эти настроения, а также способствовать росту автономистских и антироссийских движений. Однако МИД России заявлял, что лучше контролировать одного консула, чем множество тайных эмиссаров, ведь отказ в учреждении консульства не устранил бы угрозу панисламистской или антироссийской пропаганды, а наоборот – усугубил бы проблему, поскольку деятельность ушла бы в подполье. А в условиях сложной международной обстановки и роста напряженности на Ближнем Востоке проявление «предупредительности» в вопросах, не затрагивающих серьезно российские интересы, расценивалось как важный жест доброй воли, укрепляющий отношения с Турцией. Еще одним важным фактором стал уже упомянутый принцип «наибольшего bla-

И.Р. Гильманов

К вопросу об открытии османского консульства в Казани в 1873 году

Minbar. Islamic Studies. 2025;18(4): 782-798

гоприятствования», так как в городе уже многие годы были консульские представительства Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Дании, Греции и Персии. В итоге МИД получил поддержку большинства членов Совета Министров, включая П.А. Столыпина, а в марте 1911 года окончательное решение в пользу открытия консульства утвердил сам император Николай II [10].

Высказанные опасения в контексте османского консульства в Баку касаются и Казани – татары были образованной мусульманской группой, которые часто выступали посредниками в связях российских властей с мусульманами Туркестана. Через них Порта могла, пусть опосредованно, собирать сведения или влиять на общественные настроения в глубине Российской империи. Учитывая все это, а также отсутствие иностранных представительств в Казани в целом, вопрос об учреждении консульства российскими властями в этом городе даже не рассматривался.

Заключение

Таким образом, анализ попытки открытия османского консульства в Казани позволяет сделать несколько важных выводов: экономические аргументы, использованные казанскими татарами в обращении к султану, скорее всего, были лишь формальной причиной прошения, скрывающей более значимые политические и религиозные мотивы. Подобное наблюдалось и при попытке Порты учредить консульство в Ереване. Экономический анализ показал, что Казань не представляла интереса для Османской империи в этом плане, а реакция российской стороны на возможное османское консульство в Казани раскрыла ее особую чувствительность к вопросу иностранного присутствия в стратегически важных и многонациональных регионах, таких как Поволжье, и показала, что российская дипломатия умело управляла потенциальными угрозами внутренней стабильности.

Данный эпизод, ранее не исследованный в историографии, дополняет наше понимание механизмов и пределов османской консульской дипломатии, демонстрируя ограничения влияния Порты в глубине российской территории. Он также показывает, что Казань не рассматривалась Османской империей как экономически значимый город. Несмотря на это, часть татарской элиты второй половины XIX века сохраняла ориентацию на Османскую империю, видя в ней не только торгового, но и потенциального политического союзника.

Литература

1. Brisku A. *Ottoman-Russian Relations*. *Oxford Research Encyclopedia of Asian History*. 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/38951672/Ottoman_Russian_Relations (дата обращения: 01.05.2025).
2. *История Османского государства, общества и цивилизации*: в 2 т. Т. 1. История Османского государства и общества. Ихсаноглу Э. (ред.); Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICA); Феонова В.Б. (пер.), Мейер М.С. (ред.). М.: Вост. лит.; 2006. XXXII + 602 с.
3. *Салнаме-и незарет-и хариджийе*. Кастантинийе, 1301 х. (1884–1885). 578 с.
4. Васильев А.Д. *Центральная Азия в политике России и Турции в XIX – первой половине XX в.: дисс.... д-ра ист. наук*. М., 2023. 474 с.
5. Lafi N. Petitions and Accommodating Urban Change in the Ottoman Empire. *Istanbul as Seen from a Distance: Centre and Provinces in the Ottoman Empire*. Özdalga E., Özervarlı S., Tansuğ F. (eds). Istanbul: Swedish Research Institute; 2011. P. 73–82.
6. Ross D. *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Bloomington: Indiana University Press; 2020. 278 р.
7. *Всеобщий календарь на 1873 год*. СПб.: Издание Германа Гоппе, тип. А.М. Котомина; 1872. 605 с.
8. *Кавказский календарь на 1873 год*. Статский сов. Роборовский (ред.). Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского; 1872. 707 с.
9. Turan R. Güney Kafkasya'da Osmanlı Şehbenderlik Ağı. *Karadeniz Araştırmaları Enstitüsü Dergisi*. 2024;10(22):379–396.
10. Алиева С.И. Из истории открытия турецкого консульства в Баку (1910–1911). *Современная научная мысль*. 2023;6:100–109.

References

1. Brisku A. *Ottoman-Russian Relations*. *Oxford Research Encyclopedia of Asian History*. 2019. [Electronic source]. Available at: https://www.academia.edu/38951672/Ottoman_Russian_Relations (Accessed: 01.05.2025).
2. *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii* [History of the Ottoman State, Society and Civilization]. Vol. 1. İhsanoğlu E. (ed.). Feonova V. (tr.), Meyer M. (ed.). Originally published by IRCICA. Moscow: Eastern Literature Publ.; 2006. XXXII + 602 p. (In Russian)

3. *Sahnâme-i Nezâret-i Hariciye* [Calendar of the Ministry of Foreign Affairs]. Constantinople, 1301 H. [1884–1885]. 578 p. (In Ottoman)
4. Vasiliev A. D. *Tsentral'naya Aziya v politike Rossii i Turtsii v XIX – pervoy polovine XX veka: diss.... d-ra ist. nauk* [Central Asia in the Politics of Russia and Turkey in the 19th and the First Half of the 20th Century: Doctoral Thesis in History]. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; 2023. 474 p. (In Russian)
5. Lafi N. Petitions and Accommodating Urban Change in the Ottoman Empire. In: Özdalga E., Özervarlı S., Tansuğ F. (eds.) *Istanbul as Seen from a Distance: Centre and Provinces in the Ottoman Empire*. Istanbul: Swedish Research Institute; 2011, pp. 73–82.
6. Ross D. *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Bloomington: Indiana University Press; 2020. 278 p.
7. *Vseobshchiy kalendar' na 1873 god* [Universal Calendar for 1873]. Saint Petersburg: Herman Hoppe Publ., A.M. Kotomin Printing House; 1872. 605 p. (In Russian)
8. *Kavkazskiy kalendar' na 1873 god* [Caucasus Calendar for 1873]. State Councillor Roborovskiy (ed.). Tiflis: Typography of the Governor-General's Office; 1872. 707 p. (In Russian)
9. Turan R. Güney Kafkasya'da Osmanlı Şehbenderlik Ağı [The Ottoman Consular Network in the South Caucasus]. *Karadeniz Araştırmaları Enstitüsü Dergisi* [Journal of the Black Sea Research Institute.]. 2024;10(22):379–396. (In Turkish)
10. Alieva S. I. Iz istorii otkrytiya turetskogo konsul'stva v Baku (1910–1911) [On the History of the Opening of the Turkish Consulate in Baku (1910–1911)]. *Sovremennaya nauchnaya mysль* [Contemporary Scientific Thought]. 2023;6:100–109. (In Russian)

Информация об авторе

Гильманов Искандер Рафикович, *Iskander R. Gilmanov*, Postgraduate аспирант Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация.

About the author

Iskander R. Gilmanov, Student, M. Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

I.R. Gilmanov
On the Issue of Ottoman Consulate Establishing in Kazan in 1873
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(4): 782-798

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13 мая 2025
Одобрена рецензентами: 13 сентября 2025
Принята к публикации: 13 октября 2025

Article info

Received: May 13, 2025
Reviewed: September 13, 2025
Accepted: October 13, 2025